

С самого утра госпожа Цю в новом наряде так и сияла от радости посреди главного двора, а стоявшие рядом служанки и наложницы, прикрывая рты шелковыми платками, вторили ее смеху. Причина для веселья была приятной: весь двор и комнаты неизвестно когда заполнили ее любимыми астрами. Куда ни бросишь взгляд — всюду раскинулось сиреневое море. Даже фарфоровые блюда на резных столиках, где обычно лежали фрукты, заменили корзинками, искусно сплетенными из стеблей астр. Лепестки в каплях утренней росы выглядели свежими и чудесными.

Цзян Наньчу, войдя во двор вслед за Е Цзином, тоже тихонько охнула и принялась с восхищением оглядываться по сторонам.

Госпожа Цю усадила ее рядом с собой и с улыбкой, в которой сквозила притворная досада, проговорила:

— Да кто же еще это мог быть? Наверняка тот проказник из Двора Баофэн.

Старшая служанка госпожи Цю с улыбкой заметила:

— Четвертый молодой господин Е проявил такую заботу! Только вот посреди ночи он заставил нас изрядно похлопотать. Когда он придет, госпожа, не мешайте нам просить у него награды.

Служанки и няньки, трудившиеся с самой ночи, наперебой принялись шутить и просить награду. Госпожа Цю снова рассмеялась и щедро махнула рукой, приказав старой няне открыть ларец с деньгами, чтобы насыпать целую корзину медных монет — пусть девки потом сами берут сколько горсть загребет.

Цзян Наньчу не без зависти огляделась по сторонам, а затем посмотрела на Е Цзина, сидевшего чуть ниже госпожи Цю, и бросила на него укоризненный взгляд.

Госпожа Цю тихонько рассмеялась и, взяв невестку за руку, с усмешкой проговорила:

— На мужчин из клана Е нам с тобой лучше особо не рассчитывать. Никто из них не умеет так согреть сердце, кроме моего Мян.

С этими словами госпожа Цю открыла стоящую рядом шкатулку из черного дерева, в которой лежало около двух десятков золотых шпилек разной толщины.

— Каждый год на мой день рождения твой отец дарит мне по шпильке, вот и скопилось столько, — госпожа Цю ворошила пальцами в шкатулке, вытащила две и показала Цзян Наньчу. — Погляди-ка, у этих двух узоры совершенно одинаковые.

Госпожа Цю тяжело вздохнула, а Цзян Наньчу прикусила губу, сдерживая улыбку, и ласково прижалась к свекрови:

— Вчера старший молодой господин хотя бы подарил мне несколько фигурок мохоло, так что он все же делает успехи по сравнению с прежним.

— Ого, — удивилась госпожа Цю и, взглянув на притихшего Е Цзина, который молча пил чай, опустив глаза, весело добавила: — Это и впрямь небывалое достижение.

Пока свекровь с невесткой мило беседовали, из внутренних покоев вышел заместитель министра Е. Госпожа Цзян тут же поднялась и вместе с Е Цзином почтительно поприветствовала отца. Все служанки и наложницы в комнате также склонились в поклоне.

Заместитель министра Е принялся к наполнявшему комнату цветочному аромату и нахмурился:

— Этот паршивец уже осмелился устроить переполох в главном дворе. Совсем ты его разбаловала.

Госпожа Цю закатила глаза:

— Мой сын порадовал меня. Если тебе это досаждаёт, поскорее убирайся из поместья на свою службу.

Заместитель министра Е хмыкнул:

— Разве он только тебе докучает? Вчера поздно вечером он ещё и слуг отправил в Павильон Бихуа с глиняными фигурками для брата. Братец Цзин каждый день по горло занят государственными делами, откуда у него время играть с ним в подобные глупости?

Стоило заместителю министра Е произнести эти слова, как сидевшая подле госпожи Цю Цзян Наньчу на мгновение удивленно распахнула глаза, а затем с каменным лицом перевела взгляд на Е Цзина.

Е Цзин вздохнул и мягко потер пальцами висок.

Госпоже Цю до смерти захотелось тут же выставить мужа за дверь. Этот несносный старик с каждым днем становился все более невыносимым!

Пока в комнате царил неловкое молчание, стоявшая снаружи молоденькая служанка вдруг громко объявила:

— Четвертый молодой господин Е пришел!

Глаза госпожи Цю радостно блеснули. Вскоре в комнату, сияя улыбкой, вбежал Е Мянью в роскошном парчовом одеянии, держа в руках резную деревянную шкатулку.

— Матушка!

Е Мянью подбежал к госпоже Цю, первым делом чинно поклонился ей до земли и выпалил целый ворох сладких, как мед, поздравлений. Только после этого он поднялся и обеими руками, словно величайшее сокровище, преподнес ей шкатулку.

— Матушка, посмотри скорее, тебе нравится?

От улыбки у госпожи Цю в уголках глаз прорезались мелкие морщинки. Она с трепетом открыла шкатулку, ее взгляд просветлел, но она тут же ласково пожурела сына:

— Это же страшно дорого! Глупое ты дитя...

Жемчужный гарнитур в шкатулке с первого взгляда выдавал свою исключительную ценность. Мальчишка наверняка спустил на него все свои сбережения, что копил годами!

Е Мянью собственноручно вставил жемчужную шпильку в причёску матери, бережно поправив ее положение, а жемчужные серьги передал стоявшей рядом невестке. Цзян Наньчу с улыбкой помогла госпоже Цю примерить новое украшение.

— Главное, чтобы тебе нравилось, матушка! А если у меня закончатся деньги, я всегда смогу попросить их у отца.

Заместитель министра Е усмехнулся:

— Ишь, как ловко устроился! Тратит мои деньги, чтобы выслужиться перед матерью!

А затем с обидой проворчал:

— Что-то на мой день рождения в прошлом месяце ты мне даже пары чайных листиков не подарил.

Госпожа Цю заступилась за сына:

— Чего ты к ребенку пристал? Откуда у него деньги на подарки для тебя?

Заместитель министра Е лишь сердито прихлебывал чай и больше ничего не говорил.

Закрепив украшенный жемчугом цветочный гребень в волосах матери, Е Мянью отступил на два шага, придирчиво оглядел ее и с улыбкой произнес:

— Матушка, ты красавица!

Стоявшие вокруг госпожи Цю наложницы и слуги дружно рассмеялись, наперебой подхватывая похвалу.

Госпожа Цю прикрыла рот ладонью от смеха, а на ее лице отразилась гордость:

— Если бы твоя мать не была красавицей, как бы у нее выросли такие статные и умные сыновья, как ты и твой брат? — С этими словами она притянула Е Мянью к себе, поправила нефритовые подвески и ароматный мешочек на его одеянии и с нежностью добавила: — Ну все, ступай на учебу. Нечего тут рассиживаться, не то наставники накажут тебя за опоздание.

Е Мянью послушно кивнул, однако к выходу не поспешил. Вместо этого он подошел к заместителю министра Е и, протянув ладонь, заявил:

— Отец, у меня совсем не осталось денег! А сегодня вечером мы с однокашниками собираемся выпить вина.

Цзян Наньчу растерялась и уже хотела повернуться к служанкам, чтобы дать поручение, но Е Цзин слегка коснулся ее руки и покачал головой, безмолвно останавливая ее.

Заместитель министра Е от злости едва ли не рвал на себе бороду. Он с силой хлопнул Е Мянью по ладони и в сердцах воскликнул:

— Да кто ты такой, чтобы так бесстыдно вымогать у меня деньги?

Е Мянью ойкнул от боли и, вздернув подбородок, с полным правом возразил:

— Я — ваш сын, которого вы можете ударить, когда вздумается, а вы — мой отец, у которого я могу просить денег, когда мне заблагорассудится!

Стоявшие в комнате слуги низко опустили головы, из последних сил сдерживая смех. Даже госпожа Цзян отвернулась, чтобы не выдать себя. Госпожа Цю негромко кашлянула и

поторопила мужа:

— Подумаешь, сущие пустяки. Дай ему серебра да отпусти на учебу.

Заместителю министра Е не хотелось препираться с ним и задерживать его перед занятиями. Он лишь сердито погрозил сыну пальцем, а затем отвязал от пояса кошель. Е Мянэ тут же просунул нос поближе, заглядывая внутрь, и недовольно протянул:

— Да кому нужна ваша мелочь? Отдайте мне те ассигнации, что лежат на самом дне.

Заместитель министра Е снова шлепнул его по протянутой руке:

— Куда ты лезешь! Я еще сам не посмотрел, сколько там!

— Матушка! — позвал Е Мянэ, повернувшись к госпоже Цю.

— Да сколько может поместиться в твоём кошельке? Отдай ему всё, жалко тебе, что ли? — с досадой бросила госпожа Цю.

— Забирай, забирай, забирай! — Заместитель министра Е в раздражении сунул весь кошель в руки Е Мянэ. — Проваливай в свою академию! И не мозоль мне глаза, только кровь мне портить умеешь!

Получив деньги, Е Мянэ не стал обижаться на грубость отца. Он одарил заместителя министра Е лучезарной улыбкой, крепко сжал кошель в руке и побежал на учебу.

В карете Е Мянэ разгладил доставшиеся ему ассигнации и, разглядывая номиналы, довольно захихикал.

— Твой брат не поскупился, набил кошель под завязку, — обратился он к Фэнцзиню.

Обычно кошель заместителя министра Е собирал Юймин, старший брат Фэнцзиня. У Е Мянэ опустела шкатулка с деньгами, поэтому, задумав сегодня выпросить серебра у отца, он заранее велел Фэнцзиню предупредить брата, чтобы тот положил в кошель побольше денег.

Фэнцзинь хихикнул:

— Брат сказал, что четвертая наложница в последнее время целыми днями льет слезы и выманила у господина кучу денег. Если бы мы не прибрали эти деньги к рукам, они все равно ушли бы к ней.

Е Мянэ приподнял бровь. Поскольку в первую ветвь семьи уже решили принять Е Цзяо в качестве приемного сына, четвертая наложница разрывалась на два фронта: перед госпожой Цю она лебезила, а перед заместителем министра Е строила из себя недотрогу, стараясь выгадать выгоду и там, и тут.

Пообедав в Императорской академии Гоцзысюэ, Е Мянэ с приятелями лениво растянулся на траве у озера. Уже наступила осень, и хотя все еще стояли жаркие дни бабьего лета, солнце грело уже не так нещадно.

Вэй Анъюань расслабленно сидел под склоненной ивой. Е Мянэ дремал, положив голову ему на колени. Сонно пошарив рукой по земле, он подобрал камешек и швырнул его в Ли Чжао, который лежал довольно далеко от них, повернувшись спиной.

Ли Чжао даже не пошевелился.

Е Мянь, надув губы, снизу вверх посмотрел на Вэй Анъюаня. Тот наклонился к нему и с улыбкой произнес:

— И не надейся, он больше ни за что не станет с тобой разговаривать.

<http://bllate.org/book/18289/1753881>